

блений со стороны представителей. С этой целью права граждан должны быть определены самой конституцией. Таковы: 1) равенство перед законом; 2) личная свобода; 3) свобода собственности; 4) свобода совести и 5) свобода мысли. К последней принадлежит и свобода печати, один из существеннейших элементов конституционной монархии, необходимая, с одной стороны, как ограждение против злоупотреблений правительства, с другой стороны, как контроль избирателей над своими представителями. Не только цензура противоречит существу конституционной монархии, превращая ее в призрак, но, говорит Цахариэ, самые карательные законы несовместны с свободой печати. Они отличаются от цензуры только как косвенное принуждение отличается от прямого. В некотором отношении они даже хуже, ибо они карают без достаточного предупреждения, тогда как цензура оставляет, по крайней мере, неосторожного писателя безнаказанным. Если же, заключает Цахариэ, против этой теории сошлется на опасности, которыми она угрожает обществу, то это означает только: либо что здесь, как и в других случаях, конституционная монархия принуждена держаться среднего пути, либо что она не у всякого народа может преуспевать*.

И тут заключение страдает преувеличением, но на этот раз в сторону либерализма. Из всего этого ясно, что точка зрения Цахариэ не вполне установилась. Как многосторонний и даровитый ученый он основательно изучал вопросы и смотрел на них с разных точек зрения, но добытые им результаты он не умел свести в последовательную систему. Он был сильнее в подробностях, нежели в установлении начал, в развитии частных, нежели в построении целого. Поэтому разбор одних только главных оснований его сочинения не может дать о нем надлежащего понятия; оно включает в себе массу хорошо разработанного материала. По теории Цахариэ стоял еще на почве юридического государства, но по обширности сведений и по многосторонности взглядов он уже вышел из этой теории, хотя и не умел построить новой. Книга его может рассматриваться как свод всего предшествовавшего развития политической науки и вместе как переход к высшей точке зрения.

д) Абсолютный идеализм

1. Гегель

Развитие немецкого идеализма завершается Гегелем. Шеллинг пытался сочетать противоположности единством основы, или причины производящей. После него нравственный и индивидуалистический идеализм снова становятся на односторонние точки

---

* Ibid. Absch. 3. S. 296-300.

зрения: Фихте старался вывести противоположные определения бытия исключительно из общего начала, из чистого разума, то есть из причины формальной; Герbart, наоборот, в основание всего сущего полагает частное бытие, или причину материальную. Наконец, Гегель сводит противоположности к единству причины конечной. Это и есть настоящая точка зрения идеализма. Исходя из единства первоначального, противоположности снова связываются высшим, конечным единством. Как логическое определение конечное единство есть идея, составляющая внутреннюю цель бытия, движущую пружину развития; как мировое начало это высшее единство противоположностей, связь разума и материи, есть дух, источник жизни, верховное благо или согласие сущего. Учение Гегеля понимает абсолютное как дух, который, развиваясь в силу внутреннего закона, сам противопоставляет себе свои определения и затем снова приводит эти противоположности к себе, подчиняя их высшему единству. Поэтому истинная сущность духа раскрывается только в конце, в полноте его развития. Первоначальные же его определения представляют лишь скудные и односторонние моменты, которые полагаются им с тем, чтобы снова сниматься. Они составляют точки отправления для дальнейшего развития, и чем они непосредственнее, тем они скуднее. Однако эти определения не исчезают в высшем единстве; они сохраняются в нем, но не как самостоятельные начала, а как моменты единого бытия, имеющие относительную самостоятельность, но подчиненные целому.

Таким образом, противоположные элементы мироздания, общее и частное, разум и материя, связываются в одно живое целое конечным единством идеи или духа. Очевидно, что этим завершается и весь процесс развития философской мысли. Недостаточные и односторонние определения достигают здесь высшей полноты. Тем не менее и эта точка зрения может не удовлетворять требованиям разума. Когда развивающееся из нее учение является не как венец всего предыдущего, а как исключительная система, заменяющая все остальные и все выводящая из одного начала, то оно, в свою очередь, впадает в односторонность. Конечное единство есть высшее, но не единственное начало бытия. Оно предполагает и первоначальную основу, и самостоятельное значение противоположностей, которые связываются им и приводятся к высшей гармонии, но сами не вытекают из него. Если же оно признается не только концом, но и началом всего сущего, то первоначальная основа исчезает, а противоположные элементы превращаются в простые моменты высшего единства. А таково именно воззрение Гегеля. У него нет ничего, кроме духа. Разум и природа составляют только противоположные проявления духа, которые им полагаются, и затем собственным, внутренним процессом развития снова к нему возвращаются. Через это все учение очевидно принимает односторонний характер. Великое как венец развития философской мысли, оно является недостаточным как

исключительная система. Поэтому совершенно ошибочно считать Гегеля представителем всей немецкой философии и по нему, как по результату, судить об остальном. Это все равно что крышу принимать за целое здание.

Как сильные, так и слабые стороны учения Гегеля равно выражаются в том, что составляет характеристическую его особенность, можно сказать, самую душу его системы,— в диалектике. Диалектика есть развитие системы определений чистой мысли. Закон ее состоит в выводе противоположностей из первоначального единства и затем в обратном сведении противоположностей к высшему единству. Этот закон есть основной закон разума, заключающийся в разложении и сложении определений на основании внутренних, необходимо присущих им признаков. Каждое определение или понятие по самому существу своему составляет единство двух противоположных начал: общего и частного, единого и различного. Будучи противоположными, эти начала отрицают друг друга, а вместе с тем и свою связь. Через это они полагаются как самостоятельные. Но так как ни единство не может быть без различия, ни различие без единства, то взятые отдельно эти начала становятся в противоречие с самими собою. Отрицая противоположное, каждое вместе с тем отрицает и себя. Исключив из себя всякое отношение к другому, они уничтожают необходимое условие собственного существования и через это сами превращаются в ничто. Однако это новое отрицание есть, в сущности, только отрицание их самостоятельности, то есть отрицание отрицания. Результат его — положительный, именно необходимость связи противоположных начал. Это и ведет к новому определению, к высшему единству, содержащему в себе противоположности уже не в непосредственной слитности, а в полном развитии, как моменты целого, прошедшие через отрицание и поборовшие в себе это отрицание.

Этот диалектический закон составляет движущую пружину всего развития человеческой мысли, история философии служит самым блистательным фактическим его подтверждением. Он один объясняет и всю историю человечества. Поэтому в каждой философской системе мы непременно найдем известную долю диалектики. Но очевидно, что в полноте своей она могла быть выработана только идеализмом. Изобретателем ее древние считали Платона¹; в Новое же время сведение ее в цельную науку принадлежит Гегелю. Это — бессмертная его заслуга, которая дает ему первенствующее место в истории человеческого ума. Можно сказать, что без диалектики нет философии. Кто отвергает диалектику, тот не понимает первых оснований философского мышления. Ничто так не свидетельствует о современном упадке философии, как то пренебрежение, в которое диалектика впала в настоящее время.

Диалектическое здание, возведенное Гегелем, далеко, однако, не может считаться последним словом науки. Оно во многом

требует исправления. Исключительность гегелевского идеализма отразилась и на нем. Она повела к неверному пониманию самого закона развития, а вследствие того — к неправильному во многих отношениях построению системы. Из сказанного нами ясно, что закон диалектического развития влечет за собою установление четырех определений в трех ступенях. Первую ступень составляет первоначальное единство, вторую две противоположности, третью единство конечное. Это во многих местах признает и Гегель. Так, проводя развитие понятия через следующие друг за другом ступени общего, частного и единичного, он к частному относит два противоположных определения: чисто частное и отвлеченно общее. Последнее как противоположное частному само составляет частное определение, тогда как истинно общее включает в себе и отвлеченно общее, и частное*. На тех же началах построен у Гегеля весь остов его логики. Первую ступень составляет непосредственное бытие, вторую — противоположность отвлеченной сущности и явления, третью — понятие как единство того и другого. Но рядом с этим является и построение иного рода, вытекающее из исключительного преобладания начала конечного. Как мы уже видели выше, последнее, по теории Гегеля, само полагает свои противоположные определения и затем снова приводит эти определения к себе как высшему единству. Вследствие этого первоначальная основа исчезает и остаются только три определения: две противоположности и конечное единство, которые и развиваются в трех ступенях. Первую ступень составляет одна из противоположностей, вторую — другая, третью — их единство. А так как начать можно одинаково с той или другой противоположности, ибо каждая сама собою указывает на другую, то за первую ступень Гегель принимает то отвлеченно общее, то частное, то субъективное начало, то объективное. Результат и тут выходит правильный, ибо диалектическое развитие противоположностей все-таки ведет к высшему единству; но в последовательном движении мысли оказываются пробелы, искусственные переходы, наконец, смешение различных ступеней, именно первоначального единства с одной из противоположностей, иногда с отвлеченно общим началом, иногда с частным. При таких ошибках нет, конечно, ничего легче, как подвергнуть логику Гегеля критике в подробностях. Но указание частных недостатков оставляет совершенно в стороне вопрос о достоинстве целого.

Это не совсем правильное понимание диалектического закона отражается прежде всего на общем построении системы. Гегель разделяет философию на логику, философию природы и философию духа. Очевидно, что логика, или, что то же самое, диалектика, представляет отвлеченно общий элемент, развитие законов чистой

---

* Hegel G. W. F. Logik: Die Lehre vom Begriff. Absch. 1. Cap. 1. В. Ссылаюсь везде на Полное собрание сочинений.

мысли; в природе, напротив, выражается форма частного бытия; наконец, дух составляет высшее единство обоих. Но у Гегеля, вследствие смешения первоначального единства с отвлеченно общим моментом, чистая мысль является первоначальной основой, которая затем переходит в природу и наконец возвращается к себе в духе. Поэтому и логика начинается у него не с непосредственного, то есть конкретного бытия, а с величайшего отвлечения, именно с чистого бытия, которое как чистое отвлечение не что иное, как чистое отрицание. Конечно, результат выходит тот же: истина для Гегеля заключается не в этих первоначальных, самых скудных определениях мысли, которые составляют для нее только точку отправления; истина у Гегеля есть дух. Но по законам логики, первоначальное бытие не полагается конечным, а наоборот. Следовательно, основа должна содержать в себе обе противоположности, а не смешиваться с одной из них. Очевидно, что тут заключается повод к неверному пониманию самой системы Гегеля.

Неправильное постановление исходной точки повело и к неправильному построению конца. Диалектический закон влечет за собою совпадение конца с началом: высшее единство является сочетанием противоположностей, так же как и единство первоначальное. Это именно признает Гегель. Но так как исходною точкою является у него не конкретное, а отвлеченное единство, то последнее должно составлять и завершение развития. Поэтому высшим проявлением духа он признает не историю, а философию, которая представляет возвращение к логике. Таким образом, отвлеченная мысль становится началом и концом всего диалектического процесса, хотя дух как высшее единство всего сущего по самому смыслу системы не есть отвлечение, а живое сочетание противоположностей.

Отсюда, наконец, неверное построение всей системы духовного мира. И здесь повторяются три ступени развития: дух субъективный, дух объективный и дух абсолютный. Первый есть дух сам в себе взятый в совокупности внутренних своих определений. Сначала он является в непосредственной форме как естественное произведение — душа. Затем в душе развивается сознание: субъект противопоставляет себя внешнему миру. Наконец, вполне развившееся сознание полагает себя как самоопределяющийся разум; это — дух в истинном своем значении: он является как дух теоретический в познании, как дух практический в системе влечений, как дух свободный в разумной самоопределяющейся воле. Таким образом, свободная воля составляет высшее определение субъективного духа. Достигши этой ступени, он переходит во внешнюю деятельность и строит из себя объективный мир, где основным началом является свобода. Ступени развития свободы или объективного духа суть право, мораль и нравственность. Под именем нравственности Гегель понимает общественное начало, представляющее сочетание права и морали и выражающееся в развитии человеческих союзов. Высший из этих

союзов есть государство. Но государство как выражение известной народности само составляет только частное проявление мирового духа. Поэтому оно вступает в процесс с другими, подобными ему союзами. Этот процесс есть всемирная история, высшее проявление объективного духа, проявление, которое составляет вместе с тем переход к третьей и последней ступени — к сознанию абсолютного духа. Последнее развивается в трех ступенях: в искусстве, в религии и в философии. Философией завершается все развитие мысли и бытия; здесь конец совпадает с началом*.

Таково общее построение философии духа Гегеля. Ему нельзя отказать в ширине взгляда и в значительной глубине внимания. Тем не менее он страдает противоречием. Если мы сравним внутреннее определение духа с дальнейшим развитием этих же самых определений, то увидим, что одно не соответствует другому. Самоопределяющийся дух развивается, как сказано выше, в трех ступенях: как теоретический дух в познании, как практический дух в системе влечений, наконец, как свободный дух в воле. Это и есть истинное отношение этих трех элементов. Если мы прибавим к ним чувство, отнесенное Гегелем к непосредственной форме духа, к душе, то мы получим полную систему внутренних определений духовного естества. Чувство представляет первоначальное, непосредственное его единство; разум и влечение составляют две противоположные его стороны, из которых одна обращена внутрь, а другая устремлена на внешний мир; наконец, свободная воля является высшим единством обоих. Сообразно с этим должны быть построены и те формы духовного мира, в которых проявляются эти определения. Мир чувств есть внутренний мир души; теоретические идеи составляют область разума; покорение природы, или система экономических отношений, соответствует влечениям; наконец, нравственный мир образует область воли. Последний, очевидно, должен занимать высшее место в развитии духа, ибо он представляет живое или конкретное сочетание противоположностей, разума и природы, общего и частного, бесконечного и конечного. Между тем у Гегеля о покорении природы нет речи; экономические отношения составляют, как увидим далее, только подчиненный момент юридического общества. Практическая сторона духа осуществляется в нравственном мире, а теоретическая сторона возвышается над последним как сознание абсолютного духа. Несоответствие этого построения изложенной выше системе внутренних определений духовного естества очевидно. Из сказанного ясны и причины такого противоречия.

Посмотрим теперь на внутреннее построение объективного духа, который составляет настоящий предмет наших исследований. Несмотря на неправильно назначенное ему место в общей системе,

---

* См.: Hegel G. W.F. *Encyclopädie <der philosophischen Wissenschaften im Grundrisse>*. Teil 3. *Philosophie des Geistes*.